

- Эрлан-фулан, — задохнувшись от волнения, ворвалась в дом Чжан-апо, — А-Шань так поспешно ушёл, ничего толком не объяснил, за ним шли какие-то чиновники с кандалами, что случилось? За что его забрали?

Стоило ей договорить, как вслед за ней прибежали остальные члены семьи Сюн, запиравшие дом — каждый, перебивая друг друга, с тревогой спрашивал, что произошло.

У Тан Шоу сердце сжималось от страха: он слишком ясно понимал, в какой безнадёжной ситуации они оказались. Семья Сюн — простые деревенские люди, а их противник — могущественные люди, которые могли распоряжаться чиновниками и сборщиками налогов. Их борьба была не иначе как муравей, пытающийся столкнуть дерево: если те захотят, раздавят их одним движением пальца. Без власти, без покровителей, без связей — звать на помощь было просто некому.

А Сюн Чжуаншань, с его бурным нравом... Где ему выдержать, где сдержаться? Без кого-то рядом, кто мог бы удержать его, что будет, если он сорвётся и натворит беды? Что, если он кого-то ударит или убьёт?..

Чем больше Тан Шоу об этом думал, тем сильнее захлёстывало его отчаяние. Лицо его побелело, словно полотно. Даже при тусклом свете лампы, скрывавшем черты, все почувствовали, как он слабеет на глазах.

Он неосознанно провёл языком по пересохшим губам, его голос, когда он наконец заговорил, был таким хриплым, что резал слух:

- Мать, отец... те чиновники говорят, что у нас нет оформленных документов на торговлю, мы не внесены в реестр купцов, поэтому нам запрещено вести бизнес. Требуют уплатить налоги, штрафы, а затем прекратить всякую торговлю. Муж не согласился и пошёл в управу к уездному судье искать справедливости... Но как бы там ни было, всё против нас, и никакой хороший исход нам не светит.

- Ах?! И что же нам теперь делать?! — воскликнула Чжан-апо, совершенно не понимая всех тонкостей сказанного.

Она только знала одно: её сын в беде, его увели чиновники, а раз так — значит, избежать наказания не удастся. Избиение палками — это ещё самое малое, а если осудят на несколько лет, то жизнь её сына будет сломана навсегда.

Не выдержав, она тяжело опустилась на пол и разрыдалась:

- А-Шань, мой бедный А-Шань! Какая у тебя доля горькая... С самого детства столько страданий, еле спасся с того света — и вот теперь снова такая беда!..

Отец Сюн тяжело вздыхал, раз за разом с силой колотя себя по голове:

- Всё из-за меня! Я ни на что не гожусь! Даже собственного сына не могу защитить! Тогда, в детстве, он уже раз вместо меня чуть не погиб... Теперь вот только-только вернулся домой, начали хоть немного нормально жить — и опять такая беда!..

- Отец, не говори так! — Сюн Тэ обнял его за руку, не давая дальше бить себя.

В доме семья Сюн разрывалась в крике и плаче, каждый был охвачен настоящей тревогой за судьбу Сюн Чжуаншаня. Однако этот нескончаемый шум вдруг стал вызывать у Тан Шоу странное раздражение, заставляя нервно дёргаться виски.

Не в силах больше сдерживаться, он сорвался и закричал:

- Все замолчите! Что толку голосить и плакать?! Мужа уже увели чиновники! Единственное, что мы можем сделать сейчас — это самим искать способ его спасти! Вашими воплями и стенаниями вы что, надеетесь вернуть его домой?! Хоть разбейте себе головы об стены — это ничего не изменит!

В обычные дни Тан Шоу всегда был кротким и мягким человеком, и в семье Сюн, и во всей деревне Синхуа его знали как доброжелательного, вежливого, готового поделиться даже своим семейным ремеслом. Все считали, что Сюн Чжуаншань — тот, кого нельзя злить, а Тан Шоу — тот, кого легко обидеть. Но в этот момент, когда его голос вдруг прорезался, словно раскат грома, он стал пугающе похож на самого Сюн Чжуаншаня в минуты ярости.

Эта вспышка так ошеломила всех, что в доме сразу повисла мёртвая тишина. Даже Чжан-апо, рыдавшая в голос, в испуге захлебнулась рыданием и замолкла.

Тан Шоу сейчас не заботился о том, что о нём подумают. Его сердце разрывалось от беспокойства — он хотел только одного: как можно быстрее найти способ вытащить Сюн Чжуаншаня из беды.

Тан Шоу твёрдо сказал:

- Сейчас нам нужно думать только об одном — как можно скорее вытащить мужа. Иначе, зная его характер, если он вспылит в управе и на кого-нибудь набросится, тогда уж точно ничего исправить будет нельзя.

Чжан-апо, всё ещё всхлипывая, дрожащим голосом возразила:

- А-Шань хоть и вспыльчив, но он разумный человек. Если он понял, что был неправ, он признает свою вину и не станет поднимать руку. Он ведь не безумец...

- Я тоже знаю характер мужа, — перебил Тан Шоу. — Но в этом деле, даже если мы и в чём-то виноваты, не исключено, что за этим стоит кто-то, кто хочет, пользуясь властью, задавить нас, забрать у нас рецепт зубного благовония. А если это действительно так — как вы думаете, муж станет спокойно это терпеть?

С учётом характера Сюн Чжуаншаня — конечно же, нет.

Почти наверняка он...

Все в доме побледнели, не решаясь додумывать эту мысль до конца.

Тогда Сюн Чжу нерешительно спросил:

- Невестка, у тебя всегда голова на плечах. Может, есть какой-то способ? Что бы ты ни предложил — мы сделаем всё, что скажешь!

Тан Шоу покачал головой:

- Лёгкого способа здесь нет. Нам придётся действовать шаг за шагом. Пока что я хочу сходить в управу, узнать, что там происходит, попытаться прощупать почву, а потом уже решать, что делать дальше. Но у меня совсем нет денег. Можете одолжить мне немного?

Эти слова дались ему нелегко: он прекрасно знал, как бедно живёт семья Сюн. Всё, что они недавно заработали, должно было идти на будущее сватовство одного из сыновей.

И хотя Тан Шоу не знал, где именно хранились семейные деньги — Сюн Чжуаншань всегда держал их втайне, боясь, что Тан Шоу сбежит с ними — он знал одно: стоит ему попросить, и Сюн Чжуаншань обязательно достанет для него самое лучшее, не раздумывая.

- Какие тут могут быть "одолжить" или "не одолжить" — это мой сын! — решительно сказала Чжан-апо, утирая лицо. — Сейчас же пойду домой и принесу всё, что у нас есть.

С этими словами она, словно отбросив всю прежнюю робость, не побоявшись темноты, выскочила за ворота, даже не оглянувшись.

- Старший брат, — быстро скомандовал Тан Шоу, — иди за матерью! Сейчас ночь, одной с деньгами идти опасно!

Сюн Тэ тотчас бросился за ней.

В доме повисла тяжёлая, гнетущая тишина, воздух будто бы застыл, и даже дышать было

трудно. Прошло совсем немного времени, и они вернулись.

Чжан-апо несла старую деревянную шкатулку; открыв её, она показала всё, что удалось накопить за эти годы: один-единственный серебряный лян и две связки медных монет, заработанных за последние месяцы торговли. Медяки были тщательно собраны в пучки и крепко связаны красной верёвкой, один поверх другого, плотно и аккуратно — видно было, с какой серьёзностью к этому относились.

- Эрлан-фулан, — протянула шкатулку Чжан-апо, — у меня только это. Раньше дома было туго, много долгов накопили, когда старшему сыну искали невесту. Что зарабатывали — тем и жили, сколько удавалось, тем и гасили долги. Ты не обижайся, что мало, но возьми, вдруг пригодится.

- Мама, как я могу называть это "мало"... Спасибо вам.

- А-Шань — плоть от плоти моей, заботиться о нём — моя обязанность.

Сейчас было не время для трогательных речей: Тан Шоу быстро убрал деньги за пазуху и вместе с братьями Сюн Тэ и Сюн Чжу собрался идти в управу этой же ночью.

Как только они вышли за дверь, перед ними появился Цзинь Цзиньчэн — стройный, словно сосна, он вежливо сложил руки в поклон:

- Не знаю, могу ли я чем-то помочь. Если да — Сюн-фулан, только скажите, я отдам все силы.

Тан Шоу холодно оглядел его с головы до ног — на лице не осталось ни капли прежней мягкости. Его взгляд был холоден, не менее суров, чем стоявшая вокруг леденящая зима.

Цзинь Цзиньчэн с горькой улыбкой сказал:

- Сюн-фулан, вам не стоит подозревать меня. Да, я действительно заинтересован в рецепте зубного благовония, что у вас в руках, но моё воспитание не позволит мне прибегать к таким низким уловкам. Семья Цзинь — столетний род, и хотя моё поколение не может похвастаться достижениями предков, я уж точно не позволю себе опозорить фамилию. В этой истории наша семья ни при чём. Я пришёл только помочь. Я ведь смог узнать о вашем рецепте — а значит, волна, вызванная зубной пастой в столице, уже достаточно велика. Если даже я об этом знаю, что уж говорить о других: наверняка среди тех, кто положил на неё глаз, найдутся и такие, кто решит действовать грязными методами.

Он хотел помочь — а взамен получить рецепт. Такие вещи не нуждаются в том, чтобы их озвучивали вслух. Тан Шоу всё прекрасно понимал. Но теперь, когда всё зашло так далеко, ни он сам, ни семья Сюн не имели ни связей, ни опоры — они были людьми, которых можно было легко раздавить.

Однако даже если придётся уступить и отдать рецепт, Тан Шоу не собирался позволить тем, кто плёл всё это из-за кулис, достичь желаемого так легко. Он хотел, чтобы те, кто затеял всю эту грязь, в конце концов остались ни с чем — чтобы их усилия обернулись пустотой, как у обезьяны, тщетно ловящей отражение луны в воде.

К тому же у Тан Шоу были и другие идеи, другие ценные изобретения. Он понимал: чтобы вытащить семью Сюн из нищеты и подняться на самый верх, ему всё равно придётся когда-то раскрыть их.

Через всё это он ясно осознал: без надёжного покровителя не обойтись. И семья Цзинь казалась ему хорошим выбором.

Не потому, что Тан Шоу был наивен и безоговорочно верил словам Цзинь Цзиньчэна — на данный момент семья Цзинь выглядела наиболее подозрительной стороной. Он не исключал, что это может быть ловушка, устроенная ими. Но его интуиция подсказывала: за всем этим стоял кто-то другой, кого он пока не видел.

Немного подумав, Тан Шоу медленно произнёс:

- Если господин Цзинь действительно готов помочь, я бесконечно благодарен и не оставлю это без ответа. Как только вы поможете спасти мужа, уладить дело так, чтобы наша семья могла и дальше вести торговлю, я отдам рецепт зубного благовония, и впредь больше не буду заниматься её производством. Но всё это — при одном условии: если выяснится, что семья Цзинь была замешана в этой истории — не обижайтесь, если я тогда откажусь признавать какие бы то ни было обязательства и пойду на крайние меры.

Цзинь Цзиньчэн поспешно ответил:

- Сюн-фулан, можете быть спокойны! Клянусь: слово благородного человека — тяжело, как тысяча лян золота. Семья Цзинь ни в чём не замешана!

- Хорошо, я вам верю.

- Сюн-фулан, прошу сюда. Поедем верхом.

Тан Шоу и два брата Сюн ездить верхом не умели, поэтому их усадили в седло по двое с охранниками семьи Цзинь, особо не заботясь о приличиях вроде разделения мужчин и гермов.

Ночь была тёмной, дорога — опасной. Тан Шоу спешил, сердце его разрывалось от тревоги за Сюн Чжуаншаня — ему хотелось мчаться во весь опор. Но люди семьи Цзинь не собирались рисковать: они не могли позволить себе нестись сломя голову, ведь если бы с вторым господином Цзинь что-то случилось из-за скользкой дороги или падения с лошади, никто бы не смог за это отвечать. Поэтому вся группа ехала осторожно, не торопясь.

Когда они покинули деревню Синхуа и выехали на официальную дорогу в сторону уездного города Юйлин, уже перевалило за полночь. Улицы были пустынные и безжизненные, ни единой души вокруг; только изредка где-то вдалеке доносились лай собак и мяуканье кошек.

Проехали они недалеко, когда вдруг лошади пронзительно заржали и встали как вкопанные. Тан Шоу, не удержавшись, отлетел назад в объятия охранника, сильно ударившись, так что в глазах потемнело. Очнувшись, он поднял голову — и в следующее мгновение весь покрылся холодным потом.

Впереди, вдоль дороги, на весу покачивались белые фонари. Они то приближались, то удалялись, плывя на невидимых нитях, как будто сами по себе шли навстречу.

В одно мгновение в памяти Тан Шоу всплыли сцены из всех страшных историй и фильмов, что он когда-либо видел. Одна за другой, как леденящие душу картины, они накатили на него, заставив волосы на затылке встать дыбом.

Люди семьи Цзинь тоже были перепуганы. Они были родом из процветающей столицы, где жизнь кипит всю ночь: ночные рынки работают до третьей ночной стражи, затем к пятой страже снова открываются, а строгий комендантский час действует лишь в четвертую стражу.

Так что почти всю ночь улицы залиты светом, вокруг шумят толпы людей — когда им ещё доводилось видеть такую мрачную и пугающую картину, словно вышедшую из кошмарного сна?

Каждый из них инстинктивно положил руку на меч, насторожённо вглядываясь вперёд, боясь сделать лишнее движение, чтобы не спровоцировать неведомое. Более того, охранник, державший Тан Шоу, в страхе расплакался — тихо, беззвучно, но слёзы катились по его лицу.

Тан Шоу, услышав всхлипы, с трудом повернул застывшую шею и увидел: высокий, крепкий парень ростом под метр восемьдесят беззвучно плакал, слёзы текли по его лицу, а сам он дрожал.

Увидев, что Тан Шоу смотрит на него, тот вовсе не смутился, а, всхлипывая, пролепетал:

- Сюн-фулан, не смотрите на меня так... Да, я телохранитель нашего господина, я обязан охранять его ценой собственной жизни, если потребуется. Но это вовсе не значит, что я не могу бояться... я с детства ужасно боюсь призраков...

- Закрой рот! Не смей произносить это слово! — резко оборвал его Цзинь Цзиньчэн, сам дрожа от страха и не имея ни малейшего желания насмеяться над охранником.

Неизвестно, было ли это из-за того, что все так напряжённо всматривались в темноту, но казалось, что белые фонари, только что видневшиеся вдалеке, в одно мгновение оказались

совсем близко.

Страх охватил их ещё сильнее. Но, благодаря многолетней выучке, они не бросились в панике бежать, а всё ещё помнили свой долг защищать господина.

- Спроси у них — это люди или... или нет? — прошептал Цзинь Цзиньчэн, указывая на одного из охранников.

Охранник едва не разрыдался так же, как тот, что стоял за спиной у Тан Шоу, и, всхлипывая, выкрикнул:

- Осмеливаюсь спросить: кто идёт впереди? Мы — люди семьи Цзинь из столицы, сопровождаем второго господина Цзиня!

Цзинь Цзиньчэн взвился от ярости и с силой пнул охранника ногой прямо с седла:

- Тупица! Тебя просили просто спросить, кто они такие, а не выдавать все наши имена! Чего доброго, так они узнают, кого именно надо забрать!

- Тогда... тогда что делать? — глупо переспросил охранник.

Тем временем группа с фонарями наконец подошла ближе.

Впереди шли люди в чиновничьих одеждах, но в кромешной темноте невозможно было различить, к какому именно времени или династии принадлежала их форма. За ними несколько носильщиков несли паланкин. И это вдвойне наводило ужас: среди ночи, когда в Юйлине нет ни ночного рынка, ни праздников, — какой уездный начальник вдруг решит прокатиться в паланкине в глухую полночь?

На их крики встречные люди никак не отреагировали, словно были глухи — и это было ещё страшнее.

Тан Шоу почувствовал, как под ним начинает дрожать лошадь. Все говорили, что животные чувствуют нечистую силу... Неужели и правда столкнулись с чем-то потусторонним?

Когда встречная процессия поравнялась с ними, оказалось, что они словно их не замечают, глядя вперёд пустыми глазами и медленно проходя мимо.

Сближения только усилили ужас: все люди семьи Цзинь словно превратились в перепуганных перепелов, боясь даже дышать.

Процессия молча миновала их и уже казалось ушла, когда вдруг — остановилась.

Повернувшись, она двинулась обратно.

На этот раз страх переполнил всех без остатка: будто в загоны с кроликами бросили петарды — не дожидаясь команд, каждый вскинул хлыст и помчался во весь опор, спасаясь бегством.

- Сюн-фулан! Сюн-фулан!..

- Фулан, фулан... — Тан Шоу ощущал, что кто-то изо всех сил тянет его за ногу.

Голос был до боли знакомым. Только тогда он осмелился открыть глаза.

Опустив взгляд, он увидел при свете фонаря бледное лицо.

- А-а-а! — Тан Шоу испуганно закричал.

Крича, он всё же отметил, что это лицо ему знакомо, очень напоминало его большого глупого медведя...

Нет, подождите, это ведь и в самом деле был его большой глупый медведь!

Он снова опустил голову — и точно: это был его Сюн Чжуаншань.

- Спускайся, я тебя поймаю, — спокойно сказал тот.

Тан Шоу тут же прекратил кричать и прыгнул прямо в объятия Сюн Чжуаншаня.

- Замерз? Всё тело ледяное... — пробурчал Сюн Чжуаншань, расстёгивая свою короткую куртку и закутывая в нее Тан Шоу, чтобы согреть.

- Ты в порядке? Они тебя не обижали? Почему тебя сопровождают чиновники?

Тан Шоу не понимал: если всё закончилось компромиссом, если они откупились серебром и его отпустили — это уже было бы счастьем. С какой стати тогда кто-то ещё заботился бы о нём и присылал паланкин?

- Прости, что я тогда толком ничего не объяснил и заставил тебя волноваться, — с грустью сказал Сюн Чжуаншань. — И ночью ещё помчался сюда...

Он сжимал своего супруга в объятиях, а сердце его сжималось от жалости: вдруг тот простудится? С его-то слабым здоровьем...

Позади них догнали чиновники и заискивающе заговорили:

- Сюн-фулан, господин Сюн-эрлан, прошу, садитесь в паланкин! Там внутри есть грелка, не стоит мёрзнуть в такую стужу!

От их услужливого тона Тан Шоу на миг даже показалось, будто он стал каким-то супругом уездного судьи.

Сюн Чжуаншань взял его за руку и повёл к паланкину. Тан Шоу же, вспомнив о стражниках семьи Цзинь, сказал:

- Мы с мужем сядем в паланкин, а вы идите следом верхом.

Он повторил это несколько раз, но в ответ — тишина. Раздосадованный, Тан Шоу протянул руку и слегка подтолкнул охранника — тот тут же рухнул на землю с громким «бух!».

Оказалось, что остальные охранники семьи Цзинь давно сбежали, а этот остался не от храбрости — он попросту упал в обморок от страха, всё это время чудом удерживаясь в седле.

Несколько чиновников по очереди хлопали его по щекам, но безрезультатно: охранник оставался без сознания. В итоге его пришлось взвалить на лошадь и везти так.

Тем временем Тан Шоу и Сюн Чжуаншань забрались в паланкин.

Сюн Чжуаншань заботливо укутал супруга в свою одежду, сунул ему в руки тёплую грелку — и лишь когда всё было устроено, наконец начал рассказывать:

- Я ведь говорил тебе, что после армии попал в особое подразделение. Оно подчинялось не кому-нибудь, а самому младшему брату нынешнего императора — Чжэнбэй-вану. Мы были его личной гвардией. Однажды, выполняя задание, мы попали в засаду. В живых из всей команды остались только я и ван. Тогда, чтобы спасти его, я принял на себя удар копья — шрам на груди остался с тех пор. Позже подоспели подкрепления, нас вытащили, но я был так тяжело ранен, что сам думал: не выживу. Но, видно, у меня была крепкая жизнь — я всё же выкарабкался. Тогдашний военный врач, которому я когда-то спас жизнь, решил отплатить мне добром: он доложил вану, что мои сухожилия на руках перебиты, что хоть держать чашу я ещё могу, но меч или копье мне больше не поднять. В тот момент всё моё тело было в ранах — и его слова не вызвали подозрений. Ван ценил мою силу. Но с бесполезными калеками долго не церемонились. И хотя обычно таких, как я, не отпускали домой, чтобы не расхолаживать солдат, всё же, помня, что я не раз спасал ему жизнь, он решил отпустить меня, чтобы не отбить у остальных веру и преданность.

Сюн Чжуаншань рассказывал об этом спокойно, будто бы речь шла о чём-то обыденном. Но Тан Шоу, слушая, чувствовал, как сжимается сердце: он знал, что значит быть простым человеком в этом безжалостном мире, где о равенстве речи не шло. Он нежно прижал ладонь к груди Сюн Чжуаншаня, снова и снова мягко глядя рубец, оставленный с тех кровавых дней.

- Ничего, всё это в прошлом, — тихо сказал Сюн Чжуаншань. — Уже давно не болит.

Тан Шоу, сдерживая нахлынувшую боль в сердце, незаметно смахнул пару слёз с уголков глаз и, стараясь говорить как можно спокойнее, спросил:

- Но даже так... ван ведь в столице, а мы в Юйлине — как ты смог обратиться к нему за помощью?

Сюн Чжуаншань объяснил:

- Когда Чжэнбэй-ван отпускал меня домой, он, в благодарность за то, что я не раз спасал ему жизнь, хотел наградить меня тысячей лян серебра. Я отказался и вместо этого попросил у него письмо — написанное его собственной рукой и скреплённое личной печатью. Я специально выбрал это: если однажды со мной что-то случится, я мог бы использовать его письмо как защиту.

Сюн Чжуаншань продолжал:

- Фулан, я слишком долго служил в армии. У меня вспыльчивый характер. Если бы мне дали серебро — кто знает, смог бы я разумно им распорядиться? А вот вспышки ярости тогда я и вовсе не умел сдерживать. Я боялся, что однажды не сдержусь и наживу себе беду. С этим письмом, по крайней мере, у меня оставался бы шанс сохранить жизнь. Вернувшись домой, я сразу пошёл в управу зарегистрироваться. Уездный судья тогда хотел взять меня на службу, но я понимал, что с моим нравом для этого не гожусь — и вежливо отказался. Все эти годы я жил в деревне спокойно, ни в какие неприятности не вступал, не создавал ему проблем — вот он со временем и забыл обо мне. Но сегодня, стоило мне напомнить о себе, он сразу вспомнил. Тут же велел зарегистрировать наши документы, аннулировал все сфабрикованные бумаги. А тех чиновников, что набивали себе карманы, наказал. Уездный судья сам о нашей ситуации ничего не знал — за этим стояли не он, а те, кто подкупил несколько жадных служащих, надеясь без лишнего шума прижать нас.